

М.А. ШОЛОХОВ: ПОЧТИ СЛУЧАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ И БЕСЕДЫ

К.М. Долгов*

Впервые я познакомился с этим гениальным русским и советским писателем в ранние школьные годы, когда прочитал его знаменитый роман «Тихий Дон», который произвёл на меня ошеломляющее впечатление. И по мере чтения, и по завершении, а затем при неоднократном повторном чтении я чувствовал себя одним из участников этой страшной, трагической эпопеи, отражавшей не только жизнь донского казачества, но во многом и жизнь русского крестьянства и русского народа. Поэтому не случайно в годы учёбы в средней школе я не раз писал сочинения по ранним рассказам М.А. Шолохова и его романам «Тихий Дон» и «Поднятая целина». Может потому, что я родился и жил в детстве в селе, язык его рассказов и романов был мне близок и понятен. По существу, это был наш язык, язык простых крестьян.

Большая часть моей самостоятельной жизни и деятельности были посвящены вопросам философии и культуры, а ряд лет мне пришлось возглавлять сектор художественной литературы ЦК КПСС,

а также Всесоюзное агентство по авторским правам, где я имел возможность постоянно встречаться с нашими писателями, поэтами, критиками, деятелями литературы, искусства и культуры в целом. Много раз я слышал выступления Михаила Александровича Шолохова на разных официальных и неофициальных мероприятиях. Я всегда удивлялся его простому, лаконичному, выразительному языку, где не было ни одного пустого, бессодержательного слова.

Говорил он всегда не спеша, как бы по ходу обдумывая и подбирая слова, слова с глубоким смыслом, слова, соответство-

* Долгов Константин Михайлович – д.филос.н., профессор, , главный научный сотрудник Института философии РАН, Заслуженный деятель науки РФ.

вавшие его особой, внешне отрывистой, но внутренне строгой и последовательной логике. Вспоминая его выступления, я не могу назвать ни одного лишнего, а тем более пустого и бессодержательного. Выступал он, как правило, тогда, когда надо было сказать что-то существенное, серьёзное, важное, касающееся не только литературы, а всей культуры и наиболее серьёзных проблем жизни народа.

Здесь я хотел бы вспомнить о тех встречах и беседах, которые у меня состоялись с Михаилом Александровичем в период моей работы в ЦК КПСС. Однажды М.А. Шолохов пришёл к нам в сектор и стал жаловаться на то, что у него совсем нет денег. Нас это удивило, ведь он никогда не был любителем денег или богатства, скорее напротив, справедливо считался бесребреником. Все премии, которые он получал за свои произведения, отдавал в различные организации: детские дома, школы, различные фонды и т.д. Мы также знали, что его произведения часто переиздавались, и нам казалось, что он должен был иметь достаточные средства.

И когда мы ему сказали, что его произведения все время переиздают и он должен получать за это соответствующие гонорары, он иронично улыбнулся и заметил, что за переиздание платят очень скромные гонорары, и чем больше переизданий, тем меньше гонорары. Мы поняли, что он по существу, обратился к нам за помощью, и мы обещали ему помочь. И действительно, полученные нами справки показывали, что Шолохов получал за переиздание своих произведений весьма и весьма скромные гонорары. И тогда мы решили обратиться к руководству с просьбой издать, а точнее, переиздать собрание его сочинений, за что, по тем временам, он мог получить солидный гонорар. Так и было сделано.

Ещё одна встреча была совершенно неожиданной и случайной. Как-то в конце рабочего дня я решил заехать к своим знакомым, жившим на улице Сивцев Вражек, д. 33, напротив поликлиники № 1. Поднимаюсь на лифте на 4-й этаж, где жили мои знакомые, выхожу из лиф-

та и вижу: у противоположной двери стоит Михаил Александрович Шолохов. От неожиданности я оторопел, стою и молча смотрю на него, а он на меня. Затем я спрашиваю:

– Михаил Александрович, это Вы? Он говорит:

– Да, это я, а Вы здесь каким образом появились?

– Я отвечаю, что зашёл к своим знакомым.

– А Вы что здесь делаете, Михаил Александрович? – в свою очередь, спросил я.

– А я здесь живу, – последовал ответ. – Правда, я редко здесь бываю, – добавил Шолохов.

Я спрашиваю дальше: как Ваши дела, над чем Вы сейчас работаете? На это он ответил: Вы задаете мне очень трудные вопросы, на которые мне не так просто ответить. Я удивлённо: а почему? Дело в том, – продолжал Михаил Александрович, – что Вы, как ещё молодой человек, можете не понять меня или не сразу понять то, что я Вам скажу. А скажу я Вам вот что: у меня душа болит и сердце ноет, а иногда, как говорили в старину, кровью обливается. Услышав такие слова, я замолчал, не зная дальше, как продолжить разговор, поскольку не ожидал услышать ничего подобного. Все же я спросил: а в чём дело, Михаил Александрович? Он: а Вы что, не видите или не хотите видеть и замечать, как нашу страну начинают разваливать?

Я опять в недоумении: Как – разваливать? Кто это делает? Вы что, – продолжал Шолохов, – действительно не знаете или делаете вид, что не знаете? Вы посмотрите, что происходит в нашей литературе и культуре и в нашей жизни в целом! Ведётся организованная работа против Советского Союза, Советской власти, против нашего народа и государства. Кто это делает? Это делают наши враги в Соединённых Штатах и практически во всех европейских странах – всем известные антисоветские центры, фонды, газеты и журналы, это советологи, подбигающие себе, если говорить прямым языком, агентов в нашей стране из среды нашей так называемой интеллигенции.

Как это делается? Давно известными приёмами – подкупом, щедрыми денежными подачками, дешёвой славой, различными видами премий, поощрений и т.д. Наш народ хорошо помнит, что Европа, Запад фактически всегда были настроены против России и воевали с ней. Вспомним хотя бы Ледовое побоище и героизм народа во главе с Александром Невским, Полтавскую битву, нашествие Наполеона, с которым шла почти вся Европа, вспомним Первую мировую, Вторую мировую войну, когда против Советского Союза вместе с Гитлером воевали армии многих европейских стран.

Я ему напомнил: Михаил Александрович, Вы же всегда отличались тем, что резко осуждали людей подобного рода, по сути предателей, которые, по Вашему мнению, используют все средства, чтобы очернить, ошельмовать нашу действительность, показать, что у нас нет никакой демократии, свободы, а, в конечном счёте, занимаются предательством интересов своей страны. Шолохов ответил: да, главным ориентиром они считают западные страны, их государственное и общественное устройство, их понимание свободы и демократии. Вы только посмотрите: молодые писатели, которые не успели ещё написать ничего путного, бичуют нашу действительность, наши политические и общественные порядки, охаивают всё – и хорошее, и плохое, и достоинства, и недостатки.

Этим же, к сожалению, занимаются и уже известные писатели. А возьмите театры, где в спектаклях к месту и не к месту вставляются ироничные, издевательские фразы по отношению к нашей действительности, кинофильмы, где наряду с положительными героями показываются уродливые персонажи, которые олицетворяют представителей нашего народа и руководства, и т.д. и т.п. Искусство невозможно без критического осмысления жизни, но когда критика начинает выходить на первый план и становится чуть ли не главным содержанием искусства, это неизбежно ведёт к разрушению существующего общества. Вы знаете, если бы это были отдельные

моменты или эпизоды, то можно было бы особенно не волноваться, но это приобрело огромный размах, и вся эта антисоветская деятельность постоянно углубляется и расширяется. Разве не ясно, к чему это может привести?

Вот почему у меня болит душа, ноет и обливается кровью сердце! Ведь всё, что было достигнуто Советским Союзом за все довоенные, военные и послевоенные годы, оплачено десятками миллионов жизней, страданиями, мучениями, лишениями нашего народа, и если вся эта антисоветчина будет продолжаться, то я предчувствую колоссальную катастрофу. Вот почему я так резко осудил деятельность Синявского и Даниэля и других подобного рода «борцов» за свободу и демократию. Говорят, что я слишком резко выступаю против таких людей, но придёт время, и если не я, то Вы убедитесь в том, что я был совершенно прав в столь резком осуждении. Больше того, может быть, даже будут говорить, что мои суждения были слишком мягкими, ибо катастрофа будет такой, что потери и утраты почти невозможно будет ни восстановить, ни поправить, ни вернуться к тому, что было достигнуто. Вот почему я не могу сосредоточиться на своем творчестве: у меня всё валится из рук, я не нахожу себе места ни в Вешенской, ни в Москве, ни где бы то ни было в другом месте.

В молодости круговорот событий вовлекал меня в самые разные радикальные «революционные» течения и направления, часто совершенно противоположные. К моему счастью, я довольно быстро в них разочаровывался, поскольку почти все они в силу своей архиреволюционности оказывались, мягко говоря, пустыми, бессодержательными. А по существу – глубоко ошибочными и антинародными. С тех пор я всегда с большим подозрением относился и отношусь ко всякого рода «новым», «революционным», «либеральным» и «демократическим» идеям. Тем более, как показала сама жизнь, Советский Союз как государство действительно демократическое, народное, где нет ни нищих, ни богатых, где реально

существует социальная справедливость, состоялся строй, о чём свидетельствуют его признание всеми его гражданами и абсолютным большинством народов зарубежных стран.

Он пробудил в людях такой прилив необычайной энергии созидания, что за самый короткий исторический срок нам удалось создать и современную экономику, и передовую науку и культуру. Наш народ стал самым образованным народом в мире, мы первыми вышли в космос, обогнали многие страны в целом ряде фундаментальных наук. Я не говорю уже о нашей культуре: мы создали такую литературу и искусство, равных которым в современном мире нет. Это вызывало и вызывает восхищение простых людей во всем мире, вместе с тем мы видим, что это вызывает у господствующих политических кланов злобу и ненависть к нашей стране, и они всеми силами стремятся опорочить всё, что было достигнуто нами.

Слушая столь неожиданные, ошеломляющие откровения великого писателя, я почти автоматически вспоминал, что какое-то время раньше некоторые наши философы и деятели культуры в откровенных беседах со мной высказывали свои предчувствия, схожие с суждениями Шолохова. Например, известный философ и эстетик Михаил Федотович Овсянников на мой вопрос, почему у него в последнее время плохое настроение, отвечал: «Костя, разве ты не чувствуешь, что скоро придут гунны и начнут рушить всё?» Примерно то же самое говорил и известный грузинский философ Константин Спиридонович Бакрадзе, читавший нам, аспирантам, курс лекций по западной философии.

Но их предчувствия носили в то время ещё слишком общий, абстрактный характер, в отличие от совершенно конкретных, с упоминанием имён и даже примерных сроков, откровений М.А. Шолохова, который умер за год с небольшим до начала горбачёвской перестройки.

Ещё одна встреча с М.А. Шолоховым состоялась в последние годы его жизни. Я шёл по коридору в свой кабинет

и вдруг вижу: навстречу идёт Михаил Александрович. Я обрадовался и пригласил его к себе. Поскольку в мой кабинет часто приходили разные люди, я попросил разрешения у Михаила Александровича запереть дверь на ключ, чтобы нам не мешали беседовать. Глядя на него, я не мог определить для себя его внутреннее состояние, но мне казалось, что оно не только не улучшилось по сравнению с состоянием на предыдущих встречах, но даже ухудшилось. Если раньше он был энергичным в своей резкой и жёсткой критике противников и врагов Советской власти, сейчас он показался мне каким-то вялым, уставшим, снившимся.

После некоторого молчания он напомнил мне о нашей предыдущей беседе: ну что, Константин Михайлович, всё идёт, к великому сожалению, так, как я говорил, и многие это уже видят и признают. Но пока все эти разговоры остаются разговорами. Я могу только ещё раз повторить то, что говорил тогда: если не будут приняты серьёзные меры по защите нашего отечества, нашего строя, то нас ждёт страшная, невиданная и неслыханная катастрофа. Чем дольше я живу, тем больше убеждаюсь в этом. Отдельные попытки кого-то наказать, выслать, раскритиковать делу не помогают, а скорее наоборот, они вдохновляют всё новых и новых претендентов на борьбу против советской власти и советского строя.

Нужна серьёзная, решительная программа по исправлению этого убийственного для нашей страны политического курса. Я как старый человек и коммунист, переживший столько всего, что надо было бы написать ещё несколько романов, считаю, что, как это бывало не раз, наша страна, наша родина, наше отечество в опасности, причём смертельной, и это не громкие слова и не повторения известных лозунгов, а трезвая оценка того, что есть. Я могу ещё раз повторить: дай бог, чтобы ни я, ни Вы не дожили до этой катастрофы и не увидели её. Надеюсь, я до этого этого не доживу, но Вы, пожалуй, увидите её во всей «красе» и будете переживать и расхлёбывать её вместе со всем народом. Конечно, я пы-

таюсь и буду пытаться написать что-то о нашем времени, но боюсь, что мне это уже не удастся.

Я отважился задать Михаилу Александровичу вопрос, который возник у меня не один раз. Некоторые мои коллеги по работе рассказывали, что их направляли в командировку в станицу Вешенскую, чтобы побеседовать с М.А. Шолоховым и убедить его переписать образ Григория Мелехова в конце романа и сделать его положительным, то есть более зрелым и высоко сознательным человеком, который даже становится коммунистом. Правда ли это, Михаил Александрович? – спросил я. От неожиданности он даже как-то отшатнулся, удивленно посмотрел на меня и тут же ответил: это правда, но мне не хочется об этом ни вспоминать, ни говорить. Я не знаю, кто их уполномочил на подобную миссию, но я считал эти разговоры крайне оскорбительными для меня и совершенно неприемлемыми с точки зрения художественной правды.

Поэтому я отправлял таких собеседников восвояси без всякого ответа. Как я мог изменить характер и поведение, мирозерцание и мировоззрение Григория Мелехова, его поступки и создать положительный образ? То, что я написал, было истиной и правдой, таких Григориев в народе было очень много, и если бы я попытался следовать советам, которые мне давали, то весь «Тихий Дон» стал бы мелкотравчатой фальшивкой. Всем известно, что я убеждённый коммунист, но я не так просто пришёл к этому. И среди казачества, и среди русского крестьянства коммунисты никогда не пользовались всеобщей любовью и уважением, вплоть до современности.

И это не случайно, немало коммунистов злоупотребляли своим положением при выдвижении на руководящие должности, распределении материальных благ, всякого дефицита и т.д., и т.п. Да и сейчас мы можем наблюдать, что некоторые коммунисты ведут себя неподобающим образом, не так, как должны вести себя настоящие коммунисты. Они часто оказываются просто пустыми болтунами –

многое обещают, но мало что делают. Больше того, я не сомневаюсь, если в нашей стране, не дай Бог, случится какой-либо кризис, они первыми, как крысы с тонущего корабля, побегут из партии и из страны на Запад. Вот почему я даже не хотел и думать о каком-либо изменении образа Григория Мелехова.

Вернувшись к теме критиков советского строя, М.А. Шолохов сказал, что о наших недостатках он знает больше и лучше всех критиков, вместе взятых. На мой взгляд, с заметным раздражением говорил М.А. Шолохов, советская власть допустила, мягко говоря, серьёзнейшую политическую ошибку, если не сказать преступление, когда она начала кампанию ликвидации кулачества как класса, объявив кулаков врагами народа. А в деревнях и сёлах, в целом в сельском хозяйстве, кулаков было слишком мало, чтобы объявлять против них такую борьбу. Неслучайно почти сразу в кулаки попали практически все середняки как люди, имеющие частную собственность, хотя, по сути, эта собственность была личной, а не частной: дом, лошадь, корова, мелкий скот. При этом никто из них не использовал наёмный труд. Однако советская власть, чувствуя сопротивление крестьян по отношению к проводимой политике, со всей своей революционной энергией обрушилась на середняков, составлявших абсолютное большинство нашего крестьянства.

Власть специально облагала их такими налогами, которые никто из них заведомо не мог выплатить. У крестьян был выбор: или вступать в колхоз, как предлагали власти, или бросать всё и уезжать, куда глаза глядят. Те, кто не мог покинуть родные места по разным причинам, вынуждены были вступать в колхоз, остальные бросали своё хозяйство и уезжали на север, в Сибирь, на Кавказ, в Среднюю Азию, на Дальний Восток. Сельское хозяйство лишилось миллионов крестьян, трудом которых держалась Россия, и в итоге оказалось на грани настоящей катастрофы. Вот почему И.В. Сталин вынужден был выступить в этот момент со своей статьёй «Голово-

кружение от успехов» именно для того, чтобы предотвратить эту катастрофу. Я всё это сам видел, знал и глубоко переживал. В «Поднятой целине» я попытался показать те неимоверные трудности, с которыми столкнулась и власть, и крестьянство при переходе от старого строя к новому.

Реальность же, конечно, была гораздо труднее, опаснее, более зловещей и почти безысходной. Тем не менее, я был и остаюсь убеждённым коммунистом, так как считаю, что социализм – это единственно правильный путь для создания подлинно человеческого общества, где высшей ценностью является человек, его труд, справедливость, свобода и отсутствие какой бы то ни было эксплуатации человека человеком. Я тоже критикую имеющиеся у нас недостатки, но с целью избавления от них и всю свою жизнь и свой труд вкладываю в то, чтобы наша страна становилась всё более могучей и совершенной. Я, как и другие настоящие коммунисты, критикуем ради укрепления и развития нашего строя, а так называемые критики – ради его уничтожения и ради собственной выгоды и дешёвой славы за рубежом.

Слушая М.А. Шолохова, я мгновенно, невольно вспомнил историю с моим приёмом в партию, когда я был студентом философского факультета МГУ. За приём меня в ряды КПСС выступили все, в том числе студенты-коммунисты, прошедшие войну, против – неожиданно для меня – выступил лишь один коммунист, с которым у меня до этого были тоже нормальные отношения – А. Бовин, аспирант нашего факультета. Он обосновывал своё мнение тем, что мой отец – крестьянин-середняк (имел своё хозяйство – дом, лошадь, корову, мелкий скот) был, по его мнению, кулаком, как и другие так называемые середняки. Мой рассказ о том, что наше село, как и многие другие, было вполне благополучным, что там не было ни нищих, ни кулаков, а крестьяне жили лишь собственным трудом, казался для А. Бовина неубедительным, видимо, он рассматривал деревню сквозь призму известной политики ликвидации кула-

чества как класса, не интересуясь реальным положением дел. Тот факт, что наша семья в разгар борьбы с кулачеством, спасаясь от совершенно несправедливых и опасных для жизни гонений, переехала в Среднюю Азию (в Бухару), явился для него лишним аргументом в пользу того, что мой отец был кулак.

На основании его выступления мой приём был отложен. Кстати, этот сверхбдительный коммунист, как только началась перестройка, оказался в первых рядах критиков советской власти и коммунистической партии, а после весьма энергичных попыток построить на этой критике свою карьеру был назначен Горбачёвым послом России в Израиле. Что касается самого Горбачёва, то после наших неоднократных споров и столкновений по ключевым вопросам развития Советского Союза, в том числе на заседаниях Политбюро, когда я критиковал его авантюристическую, по существу, предательскую политику в отношении нашей страны. Я понимал, что всё направлено на её развал, как вскоре все смогли в этом убедиться. Он, будучи в то время Генеральным секретарём ЦК КПСС, лично подписал указ об исключении меня из партии и снятии с работы.

Чувствуя столь тяжёлое содержание нашего разговора, я пытался перевести его на другие, более положительные вопросы: о недавно вышедших произведениях литературы и искусства. Но разговор явно не клеился, у Шолохова, видимо, не было ни сил, ни желания говорить о чём-то положительном, а произносить какие-то банальные ободряющие слова и пожелания успехов в творчестве такому мудрому, всё глубоко чувствующему и понимающему человеку мне казалось неуместным и неприличным. Я до сих пор жалею о том, что не нашёл нужных слов, которые я хотел бы сказать любимому мной и миллионами людей писателю, и мы расстались на общепринятых пожеланиях здоровья, творческих успехов, благополучия.

Исполнения предчувствий М.А. Шолохова пришлось ждать совсем недолго. С кончиной Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропо-

ва, К.У. Черненко, с избранием Генеральным секретарем М. Горбачёва началась гнусная, предательская эпоха перестройки, а затем ельцинских реформ, приведших к той катастрофе, которую так остро и мучительно предчувствовал М.А.Шолохов. Я много раз вспоминал и по сей день вспоминаю его неожиданно вырвавшиеся когда-то в разговоре вещице слова – какой бы ни была родная мать, каким бы ни был родной отец, они никогда не позволят себе отказаться от своих детей. Но и дети должны помнить, что нигде и никогда они не найдут себе

ближе людей, чем родная мать и родной отец. И родители, и дети вместе должны действительно как зеницу ока беречь родину-мать, своё отечество, посвящать им свою жизнь, свой труд и творчество, не жалеть для этого ничего, ибо в таком отношении родителей к детям, детей к родителям и всех вместе к родине, отечеству есть высший смысл человеческой жизни. Как гениальный художник, М.А. Шолохов понимал это лучше, чем кто-либо другой, но, к великому сожалению, он не написал об этом своего нового романа.